

А. И. СМОЛИК

КИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СИНОЛОГИИ

За пятитысячелетнюю историю существования китайского сообщества его этносами создана богатая мифология, отражающая явления природы и социальной жизни в широких художественных обобщениях. Известный китайский мифолог Юань Кэ отмечал, что «мифы, созданные в глубокой древности народом, основывались не на отвлеченных идеях, а на конкретных потребностях и стремлениях, возникающих в трудовой деятельности» [1, с. 15]. Мифы послужили истоком китайской духовной и материальной культуры, научных знаний во всех областях естествознания и обществоведения. Переосмысленные мифы легли в основу многих течений философской мысли Китая: даосизма, конфуцианства, буддизма и др.

Уникальное мифотворчество древних китайцев привлекло внимание западноевропейских ученых уже в XIX в. В Англии, Германии, Франции формируются научные школы синологов, где наряду с исследованием истории и культуры древнего Китая анализируются даосская, конфуцианская, буддистская и народная мифологии. Систематизацией и реконструкцией этапов развития китайской мифологии в это время занимались многие синологи Ж. Абель-Ремюза, С. Жюльен, Э. Био, Ю. Клапрот, Дж. Легг, Г. Моррисон и др. Так, Э. Био перевел на французский язык древнекитайский памятник «Чжоули», в котором содержится немало фрагментов мифов китайцев.

Расширению и улучшению работы с древними текстами способствовало создание европейскими учеными лингвистического инструментария. Синологами Европы Г. Габеленцем, Г. Джайльсом, С. Куврёром, Г. Моррисоном в XIX в. издан ряд высококачественных словарей и пособий по китайской грамматике.

Великолепным знатоком древнекитайского языка и древнекитайских текстов был французский синолог С. Куврёр, являющийся автором большого китайско-французского словаря, в котором едва ли не каждое слово иллюстрировалось отрывками из оригинальных текстов.

Особенно, на наш взгляд, следует выделить переводческую деятельность английского синолога Дж. Легга, который перевел и издал весь классический китайский конфуцианский канон – от «Луньюя» до «Лицзи». В каждом томе Дж. Легг приводит параллельные тексты на китайском и английском языках, снабжает издания предисловием, комментарием, дает историю текста, биографический очерк о его авторах.

Следует отметить деятельность Э. Шаванна по научному переводу «Шицзи», с учетом как достижений переводческой синологической текстологии, так и стандартов исследовательского мастерства европейской науки. Шесть томов перевода Э. Шаванна (не охвативших, увы, всего труда Сыма

Цяня) выходили в свет уже в конце XIX в. и были завершающим аккордом синологических усилий автора. К слову, помимо этих переводов он сумел немало сделать и в других областях, будь то история китайской религии, археологическое изучение.

Его работы отличаются глубиной исследовательского анализа, что с особенной ясностью проявилось в переводе «Шицзи». Уровень мастерства здесь необычайно высок. Жаль, что перевод не был завершен.

Таким образом, можно констатировать, что западная синология XIX в. заложила единую общую основу высокого стандарта в изучении китайской мифологии. Этот стандарт должен был повлиять на всех остальных синологов, в том числе и на китайских мифологов, особенно после того, как традиционная китайская наука, испытав вместе со всем обществом серьезную трансформацию в конце XIX и начале XX в., достигла более высокого и, главное, отвечающего современным требованиям уровня.

Одним из первых западноевропейских исследователей китайской мифологии в XX в. был французский синолог Анри Масперо. С помощью данных даосских памятников и «Книги гор и морей» он сделал реконструкцию целого ряда мифологических сюжетов (мифа о потопе, солярного мифа и др.) и образов их героев [2]. Синолог дал великолепное описание древних даосских приемов, подпитывающих человеческое существование и с помощью которых мифические персонажи достигали бессмертия. В соответствии с даосской мифологией человеческое существо, как и вселенная, одухотворено изначальным дыханием, состоящим из *Инь* и *Ян*. Феномен жизни отождествляется с этим дыханием, сокрытым в каждом жизненном проявлении. Если беречь его и подпитывать, человеческое существо может достичь бессмертия. Поддержать свой жизненный ресурс, на взгляд французского сиолога, даосы стремились с помощью гимнастики, диеты, дыхательных и сексуальных упражнений, употребления наркотических препаратов, внутренней алхимии и т. д.

Общие теоретико-методологические подходы к исследованию мифа как феномена культуры, в том числе и китайского, осуществил известный румынский мифолог М. Элиаде. В своих сочинениях: «Мифы, сновидения, мистерии» [3], «Аспекты мифа», «Образы и символы» он неоднократно обращается к китайской мифологии, систематически исследуя структуры и функции мифа в традиционных обществах, где он являлся живым», т. е. служил примером для подражания. Особенно детально анализирует Элиаде даосскую мифологию, которая, по мнению ученого, является «неотъемлемой частью гигантского айсберга философско-медицинского эзотеризма и сложной системы ритуалов – от простонародных до самых изощренных» [4, с. 110].

В китайской космогонии он выделяет героические мифы, определяя их как образцовую модель для всего многообразия творческих проявлений. Мифического императора Хуанди мифолог считает одновременно культурным героем и шаманом. Желтый император часто впадает в каталепсию и навещает места не сгорающих в огне духов, которые ходят по воздуху и укладываются спать в пустоте, словно на постели. Объектом исследования М. Элиаде

является также мифология бессмертных-сяней. Сяньцзин или край бессмертных в виде горы (Сяньшань) – место, где живут обожествленные люди – вечные символы Дао-Пути и гаранты его преодоления. Заветная мечта субъектов даосской мифологии состоит в том, чтобы присоединиться к Бессмертным на счастливой земле, вкушать от дарующего бессмертия растения и утолить жажду из Синей реки, за пределами которой находится потусторонний мир. Там даос освобождается от всех социальных условностей, изменяет душу таким образом, чтобы изгнать все усвоенные ранее привычки и обязательства. По мнению М. Элиаде, «высшей целью даосизма является достижение бессмертия» [4, с. 115].

Известностью и популярностью у многих западных мифологов пользуется объемный труд английского сиолога Е. Т. С. Вернера «Мифы и легенды Китая» [5]. Основываясь на таких источниках, как «Возвышение в ранг духов» и «Записки о поисках духов», ученый пытался установить происхождение китайских мифов. Он придерживается отброшенной современными ему учеными идеи вавилонского происхождения китайских мифов, которые были будто бы занесены в Китай примерно в 820 г. до н. э. Если, по мнению автора, первобытные мифы были занесены в Китай, то потом они создавались главным образом во время древних войн, а затем лишь после появления буддизма в Китае в I–II вв. н. э. На несостоятельность этих суждений указал китайский писатель Шэнь Янь-бин, известный под псевдонимом Мао Дунь: «Я думаю, – писал Шэнь Янь-бин, – господин Вернер не знал, что основным источником китайских мифов, на который он обратил внимание, роман «Возвышение в ранг духов», был создан на рубеже юаньской и минской эпох, иначе бы он написал, что большая часть китайских мифов, а то и все они, были собраны литератором из устного бытования всего лишь шестьсот лет назад». В 1932 г. появляется новая работа Вернера – «Словарь китайской мифологии», в которой содержатся древние мифы с позднейшими авторскими обработками, буддийскими и даосскими сказаниями.

Значительный вклад в изучение китайской мифологии внес шведский синолог Бернхард Карлгрэн, который в 1910–1912 гг. жил в Китае, где ознакомился с диалектами китайского языка в провинциях Хэнань, Шаньси, Шэньси, Ганьсу и в г. Нанкине. Синолог провел историко-филологическое исследование древних текстов в связи с развитием культа предков и придерживался теории, считавшей героев мифов обожествленными реальными историческими персонажами. Эта точка зрения в этнографии близка и к взгляду древнекитайских авторов на мифические образы как на исторические, так что сама основа исследования Карлгрэна во многом традиционна. Б. Карлгрэн подошел к специфическим вопросам мифотворчества как текстолог. Он разделил все древние тексты на так называемые «свободные», относящиеся к периоду Чжоу, в которых мифические герои упоминаются спорадически вне зависимости от какой-либо общей тенденции, и «систематизированные» тексты позднечжоуского времени и особенно ханьской эпохи, написанные в соответствии с определенной философской теорией. По мнению исследователя, для изучения мифов следует привлекать только «свободные» (доханьские)

тексты [6]. Карлгрен стоял на точке зрения, противоположной выводам Вэнь И-до, который показал, что нередко поздние памятники фиксируют более архаическую стадию мифа. К аналогичным выводам пришел на ином, более широком материале и В. Эберхард.

Шведский ученый утверждал, что мифы в чистом, древнем виде существовали и записывались лишь в связи с их отношением к культу предков крупных родов эпохи Чжоу, так как этих персонажей многие знатные дома этого периода считали своими предками. Когда же в конце III в. до н. э. началось разрушение старого социального строя, то культы предков больших домов потеряли свое практическое значение. Тогда память о героях мифов и сказаний оказалась отделенной от практики культа и был открыт путь для фантазии и спекуляций ханьских авторов. Данная точка зрения встретила обоснованную критику со стороны ряда европейских и китайских мифологов. Так, В. Эберхард отмечал, что на рубеже III–II вв. до н. э. уже не было необходимости в таком разработанном родовом древе, так как появилась новая аристократия. И начиная с этого времени, комментаторы могли снова вернуть героям божественный облик и излагать миф в первоначальном варианте. К тому же авторы более позднего времени ставили перед собой и совершенно иные эстетические задачи, например, описание необычного, удивительного, и им не нужно было превращать миф в историю.

Вообще подход Карлгрена к мифологии, осуществляемый с позиций текстолога, чрезвычайно механистичен. Так, исходя из того, что миф о разном взошедших на небе десяти солнцах известен нам по записи в трактате «Хуайнань-цзы» (II в. до н. э.), шведский ученый считает его творением эпохи Хань. Однако материал фольклора малых народов Китая и сопредельных стран свидетельствует о рождении этого архаического мифа задолго до того времени.

Несмотря на отмеченные недостатки исследований Карлгрена, он сделал достаточно много для популяризации мифотворчества китайского народа, перевёл классические нарративные тексты I-го тысячелетия до н. э. «Ши цзин» («Книга песен»), «Шу цзин» («Книга истории») и др. Большое научное значение имела работа Карлгрена по определению аутентичности древнекитайского сочинения «Цзо чжуань» (5–4 века до н. э.), являющегося комментарием Цзо Цюмина к древнейшей летописи «Чунь цю» («Весны и осени», VIII–V века до н. э.). В названных нарративных текстах содержится большое количество древнекитайских мифов.

Оригинальный анализ китайских мифов осуществил В. Эберхард. В 1942 г. увидели свет два тома его труда «Местные культуры в древнем Китае». Данная работа – не специальное исследование по мифологии, но касается многих вопросов, связанных с ней. Развивая свои взгляды о большом значении местных культур и местного колорита в китайской культуре вообще и фольклоре в частности, автор пытается прикрепить и мифологических персонажей к отдельным местным культурам. Происходит обратное тому, что делали все ученые до Эберхарда, стремившиеся связать осколки китайских мифов в единую систему. Различные божества оказываются у немецкого синологического

несенными к различным культурам: так, великан Куафу, догонявший солнце, – к тибетской культуре, Ньюйва – одновременно к тибетской и сычуаньской культурам земель Ба и т. п. [7].

Научный анализ текста «Книги гор и морей» проделала К. Финстербуш. Она выбрала и перевела на немецкий язык значительное количество фрагментов из данного литературного памятника и связала эти описания с фантастическими изображениями в древнекитайском искусстве. Ее труд «Отношение «Книги гор и морей» к изобразительному искусству», изданный в ГДР в 1952 г. представляет исключительную ценность [8]. К монографии приложен индекс всех упоминаемых в «Книге гор и морей» мифологических существ, народов, стран с переводом названий и прозвищ. После монографии «Отношение «Книги гор и морей» к изобразительному искусству» немецкая исследовательница создала чрезвычайно ценный каталог ханьского искусства (рельефов на камне и изображений на керамических кирпичиках. В 2000 г. вышел дополнительный том ее альбома. В самом Китае такого подробного каталога не создано до сих пор.

Среди работ, изданных на европейских языках в 60–70-е гг., выделяются труды немецкого синоведа Герхарда Шмитта. В 1970 г., он выпустил интересную монографию о «Книге Перемен» с точки зрения отраженных в ней духовных понятий с интерпретацией ряда мифологических терминов. Высоко оценена синоведами также работа Г. Шмитта «Шунь как феникс – ключ к предыстории Китая» [9, с. 43]. В ней на основе тщательного изучения древнейших источников автор приходит к выводу, что китайцы первоначально представляли себе Шуня в облике феникса. О следах птичьей ипостаси Шуня писали и раньше, например, Митарай Масару, работа которого осталась, видимо, неизвестной Г. Шмитту. Немецкий исследователь выстраивает собственную оригинальную систему доказательств о следах птичьей ипостаси Шуня: например, этимологизируя название места рождения Шуня *Чжусуфэн* как «Все фениксы», места погребения *Цанью* – как «Зеленый платан» (дерево, на котором, согласно мифологическим представлениям китайцев, обычно гнездится феникс). Исследователь этимологизирует имена жен Шуня, дочерей мудрого Яо, как «жена феникса» или «госпожа феникс». Г. Шмитт обращает внимание на связь образов феникса и Шуня с музыкой, с древнейшим календарем, находит другие признаки, присущие обоим персонажам, проводит между ними параллель.

Столь же обстоятельна и работа Г. Шмитта о боге земледелия Шэньнуне, которую он рассматривает как продолжение своего исследования о Шуне, изображаемом в поздних легендах в качестве пахаря. Автор связывает генезис образа Шэнь-нуна с примитивным подсечно-огневым земледелием, которое представляет собой развитие идеи охоты с помощью огня (факелов). Г. Шмитт анализирует и тексты из «Книги песен», давая подробнейшее толкование всех мест, где упоминаются Шэнь-нун, земледелие, жертвоприношения духам земли и урожая.

Определенный интерес для мифологов представляет работа западноберлинского синоведа В. Мюнке «Классическая китайская мифология» [9, с. 44]. В книгу включен словарь китайской мифологии, а также статьи о персона-

жах, образы которых сложились в средневековый период. Статьи о мифических героях или группах мифов (например, «Солярные мифы», «Лунарные предания») написаны как отдельные исследования с большим количеством цитат из древних источников, графическим анализом иероглифов, которыми записываются имена персонажей или топонимы. В книге немало авторских толкований и гипотез, (например, о том, что Великий Юй первоначально мыслился в женском облике и считался праматерью, богиней земли или что имя *Яо* значит «Мировая гора»). В то время как японские ученые расшифровывают знак *Яо* как «высокий человек», «самый высокий среди людей».

Роли мифологии в формировании древнекитайской историографии посвятил свою работу немецкий синолог У. Лау. Он изучал вопрос о том, как из мифологических представлений рождаются исторические взгляды китайцев и как мифология отражается в древнем ритуале.

Таким образом, анализ развития западноевропейской синологии позволяет сделать вывод, что она в основе своей продолжала традиции предыдущих этапов, стараясь ввести в научный оборот максимальное число древнекитайских первоисточников. В то же время она поднялась на подлинно научный уровень, стала отраслью гуманитарной науки XX в., ставя своей целью не только перевести текст, но изучить и исследовать его, сопроводить перевод серьезной аналитической работой и тем определить значение источника, раскрыть его смысл для читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Юань, Кэ*. Мифы Древнего Китая / пер. с кит. Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. В. Пузицкого / Юань Кэ. – М. : РИСО АН СССР, 1987. – 496 с.
2. *Maspero, A.* Legendes mythologiques dans le Chou king / A. Maspero // Journal Asiatique. – Paris, 1924. – Vol. 204.
3. *Элиаде, М.* Мифы, сноведения, мистерия / М. Элиаде; пер. с англ. А. П. Хомика [и др.] – М. : Рефлбук; Киев : Ваклер, 1996. – 288 с.
4. *Элиаде, М.* Словарь религий, обрядов и верований / М. Элиаде, И. Кулиано; пер. с франц. Г. С. Винера. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997. – 414 с.
5. *Werner, E. T. C.* Myth and Legends of China / E. T. C. Werner. – New York, 1994. – 453 p.
6. *Karlgren, B.* Legends and Cults in Ancient China / B. Karlgren // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. – 1946. – № 18. – P. 199–365.
7. *Eberhard, W.* Lokalkulturen im alten China / W. Eberhard. – Leiden – Peking, 1942. – 564 s.
8. *Finsterbusch, K.* Das Verhältnis des Schang-hai-djing zur bildenden Kunst / K. Finsterbusch. – Berlin, 1952. – 437 s.
9. *Рифтин, Б. Л.* Изучение древнекитайской мифологии / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. – Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Анিকেва. – М. : Вост. лит., 2007. – С. 25–57.